

ПРИНАДЛЕЖИТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

75 лет со дня рождения поэта-героя Мусы Джалиля

МУСА ДЖАЛИЛЬ

Фоторепродукция с новой картины художника В. Скорбеева.

ВЗЛЕТ

В нашей писательской среде много говорят о месте и назначении поэзии. И когда речь заходит о ее гражданственности, то трудно подобрать лучший пример, чем Герой Советского Союза, лауреат Ленинской премии Муса Джалиль. Он говорит нам: если ты советский поэт, то должен быть на передовой линии идеологической борьбы за мир, свободу и счастье на земле.

Этапоном стало его творчество. Мы, писатели, вчитываясь в него, и яснее становимся на пути недостатков.

В «Моабитских тетрадах» соединилась боевая поэзия с личностью патриота. Муса Джалиль — новый тип писателя, воспитанного советским строем, Коммунистической партией. Следуя по его пути, немисливо не жить жизнью народа, не кипеть беспокойно в гуще событий. Именно этот процесс делает начинающего литератора личностью и творцом. У истинного поэта нет легких путей, нельзя создать ничего значительного и ценного, не зная и не переживая ежедневных забат народа.

Всего себя без остатка отдавая борьбе. Иначе не мыслит своего предназначения Джалиль. Именно поэтому он стал гордостью всего советского народа и совестью прогрессивного человечества.

В предвоенные годы, когда я с ним познакомился, он уже был видным поэтом, редактором журнала «Октябрь баласы» («Октябрь»), выходящего в Москве. Перед самой войной его избрали председателем правления Союза писателей Татарии. Вместе с Мусой Джалилем, Аделем Кутуевым, Нур Ваганом я, тогда еще начинающий поэт, принимал участие в литературных вечерах в Казани, Москве, Арске. Они ввели меня в большую поэзию. Я видел в Мусе не только большого представителя татарской литературы, но также и чуткого наставника.

Он умел увлекать сам и увлекать других. Когда в Казани открылся оперный театр, Джалиль организовал в клубе Союза писателей лекции по оперной музыке, по созданию либретто, привлек к этому новому для татарской культуры делу новые силы. Если сейчас поднять архивы тех лет, там обнаружатся либретто 20—30 писателей, пробававших свои силы в этом жанре.

Он был большим мастером стиха, его книги одна за другой выходили в свет, ниспали широкую популярность среди читателей. Он много и плодотворно работал. И в то же время чувствовалось, что он еще не сказал своего самого главного слова.

В становлении поэта всегда бывают моменты крутого перелома, бурного всепоглощающего взлета. Связано ли это с наступлением творческой зрелости или с дра-

матическими коллизиями жизни, но вот однажды поэт раскрывается с покоряющей силой и красотой, и ты удивленно думаешь: «Как же это он перешел на другую ступень творчества, как смог подняться на такую высоту?» Вот и в военной лирике Джалиля я вижу и чувствую многие годы мучительной и профессиональной подготовки, долгие размышления и поиски.

Джалилю предстояло пережить трагические минуты собственной судьбы, судьбы народа, страны и в переплетении этих событий выявить себя, обнажить еще не тронутые пласты творчества.

В огне сражений и сердце поэта превращается в ударную боевую силу. Поэт становится борцом. Он творит, спеша все самое сокровенное высказать до конца, ведь кто знает, когда оборвет его последний стих военной стихии... Так и творчество Джалиля подняло до самых величественных вершин поэзии столкновение поэта лицом к лицу с фашизмом. Он знает, что осужден на смерть и высказывает свое выстраданное поэтическое завещание. Он не может молчать, не может быть и многословным. Все сказано — сказано самой судьбой. В этих условиях ко всей глубине раскрылся талант Джалиля.

Обычно в жизни люди друг другу желают долгой, спокойной жизни. Поэту нельзя этого пожелать. Счастье его связано с непрерывным душевным волнением. И не обычного долготеления нужно ему желать. Вот Муса в письме, написанном перед самой войной, размышляет о бессмертии. Конечно, он любит жизнь и никогда от нее не устал. Но ради счастья народа, он готов смело взглянуть и смерти в глаза.

Если проанализировать содержание «Моабитских тетрад», то, говоря кратко, оно сводится к следующему: любовь к Советской Отчизне, тоска по ней, беспокойство за нее. И ненависть, самая лютая ненависть к врагу.

На 70-летие Джалиля меня пригласили в ГДР. Вместе с Гази Кашшафом я побывал в Берлине, Дрездене, Лейпциге, Веймаре и других городах. Видел дом, где Джалиль был вынесен смертный приговор, побывал в местах его заточения. Поразительно: как смогли Муса, Алиш, их соратники в подобных нечеловеческих условиях вести себя столь героически? Чтобы творить в условиях забвения фашистской Германии, в условиях жесточайшего угнетения концлагерей и тюрьм, нужен огромный душевный взлет. И к этому взлету пришли Джалиль и джалиловцы. А он привел их к бессмертию.

Муса стал гордостью всей советской литературы и всего советского народа, его творчество приобрело интернациональное значение. И наградою поэту — города, колхозы, школы, рабочие коллективы, носящие его имя, стихи, поэмы, романы о нем.

Сибгат ХАКИМ.

Поэт, лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького и Государственной премии ТАССР имени Г. Тукая,

ДРУЖБЕ ОТКРЫТОЕ СЕРДЦЕ

Эстетический идеал художника слова, рождающийся в недрах национальной культуры, в процессе общения его с мировой культурой, приобретает интернациональные качества. Такой идеал глубоко присущ Мусе Джалилю.

Особенно тесны творческие связи Мусы Джалиля с Украиной. Еще до войны он, воспевавший ее красотой, посвятив ей ряд своих поэтических произведений. К примеру, в стихотворении «Дорожные эскизы» поэт воспева... красотою этой земли, сравнивает ее с родным Татарстаном, рисует лирического героя, влюбленного в цветущую Украину, в ее трудолюбивых людей. С большой любовью относился Джалиль к Тарасу Шевченко, считая классика украинской литературы одним из своих наставников и учителей.

Ярко проявляется интернациональное своеобразие эстетического идеала Джалиля в его фронтальной лирике. Он воспевал дружбу между народами нашей Родины, проникновенно выражал чувства, рожденные волнением за судьбу всей советской земли. Вот стихотворение «Братство»:

Ничем наших сил не измерить,
Коль в дружбе народы живут.

И разве могла ты не верить,
Что братья на помощь придут.

Пришли они с волей единой
К сестре, изнывавшей от ран.

И был среди них, Украина,
Надежный твой брат — Татарстан...

Стихотворение «К Давиду», вошедшее в Моабитский пикет, представляет собой лирико-философский монолог. Здесь для выражения душевного состояния лирического героя автором используется тради-

ционный художественный прием — воззвание к природе. «Давид! Давид! О, если б только впасть Твое течение горное погнало, — Ты принесла б на Родину мою Меня и песнь свободную мою.

На первый взгляд, стихотворение лишено национального колорита. Но если прочесть его внимательно, то нетрудно увидеть в системе образного мышления чисто фольклорный склад многих татарских сказок и легенд.

Интернациональное содержание стихотворения «К Давиду» рождено особенностями военного времени, полного тревоги за судьбу многонациональной Отчизны, оно выражает в поэтическом чувстве художника, общим для всех народов Советской страны. Интернациональное свое-

образие эстетического идеала М. Джалиля проявилось в том, что он к историческим явлениям времени, к его тревогам подходит с самых высоких гуманистических позиций и выразил самые искренние братские чувства к трудящимся других стран. Проблемы войны и мира, поставленные Джалилем в его довоенных произведениях «Отрывки», «Джим», «Алтынчеч», «Ильдар», направленных против фашизма, глубже были разработаны в стихах «В стране Алма», «Варварство», «Палачу», написанных в годы заточения.

В этих стихах, вошедших в знаменитые «Моабитские тетради», Джалиль проявляет себя как зрелый мыслитель, он раскрывает социальные корни фашизма.

Самые задушевные свои стихи «Мой подарок» и «Новогод-

ние пожелания» Джалиль посвящает белгийскому патриоту Андре Тиммерману, с которым он вместе томился в каменном мешке фашистского каземата. Эти произведения являются самыми яркими образцами философской лирики Джалиля. «Мой подарок» — поэтическое размышление о судьбе родины, ее стойких сынов, продолжающих борьбу против фашизма в концентрационных лагерях и тюрьмах гитлеровского рейха. Поэт словно сконцентрировал мысли и чувства различных борцов разных народов. Он подчеркивает: многие из этих патриотов будут брошены фашистскими варварами в газовые камеры, живьем закопаны в землю, сожжены в крематориях, гильотинированы, но не будут сломлены.

Лучшие произведения Джалиля рождены в годы Великой Отечественной войны. Столк-

Заки НУРИ

Лишь вешние воды
Пробудят леса,
Гром грянет
Над рошеном стилом,
Душа говорит мне:
Был полон Муса
Такой же весенней силой.
Лишь ранние зори
Расцветят росу,
Салы зашебечут листвою,
Мне сердце твердит:
Они славы Мусу,
Который сражался со мглой.
Когда я тяжелую ношу несу
И в скорби
Плечей не расправивши,
Душа говорит мне:
Взгляни на Мусу —
И голову выше, товарищ!
Шагают бойцы,
Не потупив глаза,

ВМЕСТЕ С НАМИ

Крута и опасна дорога,
А сердце твердит мне:
Среди них Муса,
Он там, где борьба и тревога.
Звенит над планетой
Песня-краса,
Шагает Муса заповалом...
Душа говорит мне:
Взрасти, как Муса,
Цветок для людей,
Хоть бы малый,
Под марш пятилеток
Встают корпуса
Заводов во славу державы,
И сердце твердит:
Вместе с нами Муса
Им гимн пропоет величайший!

В часы раздумий,
В мои душе разбуженной
Светает:

Бессмертный облик
Нашего Мусы
Передо мною
Снова возникает.
Он видится могучим кораблем,
Что вышел в море
С бурей побороться.
Он вдалеке плывет.
Я думаю о нем:
Откуда сила
У него берется?
Муса мне наставления дает:
«И красота, и жизни смысл —
В боренье.
Батыр лишь тот,
Кто смеет в бой идти.
И никогда
Не знает отступленья!»

Перевод О. Шестинского и
Л. Кондрашенко.

„ПЕСНЯ ИСПОЛНЕНА ПРАВДЫ И СТРАСТИ...“

Низкие радости, мелкое

счастье

Я отвергаю, над ними смеюсь.

Песня исполнена правды

и страсти,

Тем, для чего я живу

и борюсь.

Муса ДЖАЛИЛЬ.

История порою способна на такие парадоксы, которых не выдумает даже самая пылкая фантазия.

Февраль 1944 года. Дрезден. Огромное серое здание на площади Мюнхен, сложенное из массивных каменных глыб, долженствующих навевать мысль о несомненности гитлеровского правопорядка. В большом зале с высокими сводчатыми окнами заседает Второй имперский суд «великого рейха». Группа из одиннадцати заключенных-татар во главе с Мусой Джалилем стоя слушает приговор: смертная казнь посредством отсечения головы.

Мог ли подумать тогда Муса или кто-либо из его товарищей, что пройдет каких-нибудь тридцать лет, и в этом самом здании, даже в том же зале состоится большая литературная вечер, посвященный семидесятилетию со дня рождения татарского поэта? Что под этими гулками солами будут звучать его стихи на немецком языке, что немецкие парни и девушки, студенты расположенного здесь Дрезденского политехнического университета — срывающиеся от волнения голосами будут говорить о своем уважении к памяти поэта-героя, воспевающего его жизненным и творческим подвигом? И что немецкий писатель Леон Небеналь подлетит к присутствующим своим

мыслями о непреходящем значении поэзии Джалиля, поэзии, наполненной правдой и страстью?

История знает и другие парадоксы. Еще не развлекся над планетой дым и пепел гитлеровских концлагерей, еще живы многие очевидцы и жертвы кровавой трагедии, а уже кто-то заинтересован в том, чтобы по возможности обелить фашизм, приписать ему вполне пристойный и даже привлекательный вид. Публицист Юрий Жуков рассказывает печально на страницах «Правды» о разрыве в последнее время на Западе омерзительной кампании — понавешивании защитники гитлеризма без зазрения совести утверждали, будто не было ни чудовищных преступлений фашизма перед человечеством, ни страшных тюрем, ни лагерей смерти, ни дымовых труб дено и пощечей крематориев. А газовые камеры, если и существовали, то только «для дезинфекции».

Статья Ю. Жукова называется «Оскорбление памяти». Очень точное название! Иначе это не называлось. Оскорбление памяти тысяч и тысяч героев-антифашистов, миллионов советских людей, отдавших свои жизни за спасение Европы от корня чумы фашизма, оскорбление памяти поэта-патриота Мусы Джалиля.

В марте 1976 года по поручению Союза писателей СССР я участвовал в церемонии возложения венков и митинге памяти Джалиля в западноберлинском тюрьме Плетцензе. Никогда не забыть мрачного приземистого барака, в котором обрвалась жизнь поэта и многих других борцов против фашизма. Тяжелые железные двери со скрипучими петлями и массивными запорами. Каменные ступеньки, ведущие вниз, в барговую полутмгу,

как преддверие ада. Серый цемент пола с неотмываемыми темными пятнами крови на том месте, где стояла гильотина.

Только здесь, на лобном месте Европы, как называют этот каземат, осознаешь, какое мужество и самообладание требовалось, чтобы не дрогнув встретить средневековую по своей садистской жестокости смерть и даже смеяться ей прямо в лицо.

Тюрьма Моабит среди фашистских заведений подобного рода известна тем, что за все годы ее существования отсюда не было совершено ни одного удачного побега. И усиленная охрана, и сложная система сигнализации, и строгий тюремный распорядок — пресловутый фашистский ордунист, когда узник ни на секунду не остается без присмотра — все было направлено на то, чтобы в зародыше растоптать в узнике даже мысль о возможности спасения.

В таких условиях могли сложиться физические и моральные даже сильные люди. В той же тюрьме и примерно в то же время, что и Джалиль, томился немецкий поэт-антифашист Альберт Гаузофер. После его казни остались «Моабитские соцветия», проникнутые чувством глубокой печали и обреченности. В сравнении с этими сонетами особенно рельефно выступает ведущая черта поэзии Джалиля — вера в будущее, убежденность в том, что жертвы, приносимые во имя победы — не напрасны. Татарский поэт верит, что его смерть будет способствовать продолжению жизни. Ведь длительность жизни измеряется не числом прожитых лет, а тем, что ты сделал для Родины, для народа (стихотворение «Другу»).

В каменном мешке Моабитской тюрьмы поэт обнимает мыслью весь мир — пылающие

в огне села и города, поля боев, облитые кровью, далекую Отчизну, се цветущие сады, зеленые луга, могучие полноводные реки. Тюремная жизнь жестока и однообразна, но как многообразна и эмоционально напряжена духовная жизнь поэта! За толстыми кирпичными стенами и прутьями железных решеток дали входы зерна настоящей поэзии.

Не два человека было в Джалиле: один боец и воин, герой-подпольщик, а другой — лирический поэт, нет, был один человек — поэт-воин, поэт-герой. Его воинский и творческий подвиги неразделимы. Они смыкаются друг с другом и питают друг друга.

В Моабите Муса много писал, чуть ли не ежедневно создавая новое замечательное стихотворение. Никогда еще в своей жизни он не работал так жаростно и самозабвенно, не писал так искренне и глубоко. Не зря исследователи творчества поэта с удивлением и восхищением пишут о своеобразном взрыве его творческой энергии, произошедшем в Моабитской тюрьме.

Эмигранты и перебежчики (а среди них были и люди, не лишние поэтического таланта), прожив вдали от Родины по 30—40 лет, не создали, да и не могли создать ничего путного, мало-мальски способного привлечь внимание читателей. А Джалиль за считанные месяцы оставил бессмертное наследство, составляющее гордость не только татарской, но и всей советской многонациональной литературы. Да, поэт был насильственно оторван от Родины, но он всегда оставался верным сыном своего народа и своей социалистической Отчизны, всей душой презирал отщепенцев и боролся с ними.

Война, в самом тепле которой оказался он, велась не на жизнь, а на смерть. И смерть, о которой не раз писал Джа-

лиль еще до войны, стояла за спиной — Муса затылком чувствовал ее ледяное дыхание. И побой, и пытки, и издевательства — все это была грубая повседневная реальность. И кровь, запекшаяся на висках, была собственной горячей кровью. Отсюда рождается ощущение подлинности поэзии Джалиля, поэзии, в которой и боль, и мук, и тяжесть неволи переплетаются в светлую торжествующую песнь жизни.

Моабитский цикл — это яркий и впечатляющий лирический документ эпохи, отражающий не только личную исключительную судьбу Джалиля, но и имеющий гораздо более широкое, обобщающее значение. Именно поэтому стихи Джалиля звучат сегодня на десятках языков народов нашей страны и за рубежом.

Примечательно, что узник Моабитской тюрьмы, со дня на день ожидающий исполнения смертного приговора, не испытывает ненависти ко всему немецкому народу. Он презирает палачей, но верит в Германию добра и разума, верит, что солнце правды вссияет над обновленной Германией. «Какой позор и какая трагедия, что люди, убившие поэта, человека, который как истинный друг любви немцев — Гете и Гейне, Баха и Бетховена, Маркса и Тельмана, были немцами! — с горечью писал немецкий писатель Эрих Мюллер по поводу стихотворения Джалиля «В стране Алма». — Этим они нанесли ущерб чести своей нации».

Джалиль близок народам нашей планеты своей страстной заботой о добре, гуманизме, своей лютой ненавистью к фашизму, под какой бы изощренной личиной тот не скрывался. Поэзия его стала сегодня знаменем всех передовых демократических сил.

Рафаэль МУСТАФИН.

Махмуд ХУСАИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Чтоб грудью своей защитить страну,
Как воин на поле ратном,
Ушел ты, Муса Джалиль, на войну,
И не возвращался обратно.
Но песни, рожденные на войне,
Сегодня наш путь озаряют.
И люди такие, как ты, в огне,
Нигде никогда не сгорают.
Твоим ли стихам превратиться в прах!
Пришли к тебе мужество, зрелость.

Рустем КУТУЙ

«АЛЛЮКИ»

О чем он думал! Какою мук
Ночь подошла к нему сторуко!
Завыл в голос и обернул,
Лицом каким обнижалась мгла!
Или дохнула печаль «Аллюки»:
«...Милый, на плечи луга мне накин...»,
Каменным полог рукой отгнала!
Плечем каким задохнулся мгла!
Звезды вошли, спорокнули камни —
Трогай, бери живыми руками!
Мир беспокойный столпился вокруг —

Погасла звезда твоя в небесах,
Но в наших сердцах — загораель!
Мы знаем, что было тебе нелегко,
Сдаваться ты даже не дунал.
А голову к солнцу подымаю высоко,
Ты пел, побеждал — ты не умер!
«...Прошел я с песнею все муки,
И топора на плахе тень
Не испугала песни звуком!»
Так пел Джалиль в последний день.
Спасибо Джалиль! Спасибо поэт,
Что смело встречал ты невзгоду,
В час смерти увидел бессмертия свет —
Вернулся ты песней к народу!

Перевел А. Кронгауз.

точно тенец у щек, каждый звук!
«Это — душина, а там — тростники...
Милый, на плечи луга мне накин...»
День гильотиной оскалил зубы.
Жизни река на убыль, на убыль.
Смерть и улыбка. Плаха и песнь.
«...Милый, на плечи...» — истаяла весть.
Но почему, когда ны в воду
Легкие руки кладут,
Слышу, как громом полнятся своды,
Птица дрожит на лету,
В травах пустынных движется коим,
И голос томится в излуче реки,
И молнии вижу белый огонь я!
«...Милый, на плечи луга мне накин...»

ЕДИНОБОРСТВО

История будет вечно помнить о том, что среди пяти тысяч политических заключенных, обезглавленных гильотиной в тюрьме Плетцензе, были одиннадцать татарских джигитов.

Пять тысяч. Большинство из них — немецкие антифашисты. Были и заключенные высоких чинов и званий, те, кто вступил в заговор против фюрера, хотел физически уничтожить его. Какой же ненавистью надо было переполниться палачам третьего рейха, чтобы наряду с ними казнить джалиловцев — «не арийцев» — чудовищной казнью.

Джалиль и его соратники знали, что за каждым их шагом, за каждым словом наблюдал всевидящее око гестапо. И все-таки они совершили в самом лобовом фашизма — в Берлине подвиг, граничащий с чудом. Благодаря им ни одна пуля лленинного советского татарского бойца не была обращена против своих. Розенбергу и Гиммлеру не составило бы особого труда расправиться с одиннадцатью татарами без суда и следствия. Но жгучая ненависть требовала отмщения высшего порядка.

Свою трагедию джалиловцы ощущали не только в неминуемой казни. Мучительно переживал Джалиль судьбу своих стихов: «Зумирал вместе со мной...» Последнее письмо Абдуллы Алиша, отправленное тайно из заключения, отражает самую большую тревогу: «Многие нами написанное и задуманное уходит вместе с нами. «Я для себя ничего не хочу, от вас прошу только одного: спасите Мусу. Он нужен татарскому народу», — обращается Алиш к одному из шефов пресловутого комитета «Идель-Урал».

Поразительно: шестеро из одиннадцати, слово и борьбу которых прервал топор палача, — поэты. Первый — Джалиль, с ним Курман, Алиш, Симасев, Саттар, Баттал. Что это? — закономерность

Ахат ГАФФАР.
Писатель.